

АЗЕФОВЩИНА

The article is dedicated to the provocative activities of agents of the tsarist security organization impregnated into the parties of opposition of Russia at the beginning of the 20th century.

Слово «провокация» сейчас у всех на слуху. Провокатор стал героем российского телевидения. Вспомним хотя бы передачу Н. Сванидзе об Азефе по РТР, в которой известный обозреватель взалхлеб расписывал деяния руководителя Боевой организации эсеров, являвшегося «по совместительству» агентом царской охраны. С подачи масс-медиа провокатор зачастую выступает демиургом современной политики. И тому примеров можно привести немало. Провокация стала настолько же достоянием масс-культуры, насколько она превратилась в политическую технологию. Мелкие провокаторы современности срубают с помощью этой технологии конкурентов своих заказчиков – на парламентских, президентских ли выборах или в большом бизнесе.

Установлено, что провокатор возникает как значимая фигура в период противостояния двух основных сил: старой, олицетворяющей отжившие порядки, и новой, стремящейся к радикальному обновлению общественных устоев. В этом противоборстве зачастую возникает зловещий «посредник», готовый предложить услуги сразу двум, а то и трем сражающимся лагерям. Особенно рельефно эта тенденция выявилась в начале XX в., когда перед Россией замаячила перспектива революционного обновления. Чем обусловлено появление этого «посредника»? Во-первых, именно в указанный период в полный голос заявили о себе и создали собственные школы генералы политического сыска. Во-вторых, из-за отчаянного стремления сохранить режим ремесло провокаторства было поднято до уровня строгой теории с одновременным развитием ее практических приложений. В-третьих, сформировалась своеобразная «корпорация», чуть ли не «орден» российских провокаторов со своими «героями» и легендами, готовых предложить услуги на политическом рынке.

Есть еще один важный аспект. История зафиксировала в своих анналах немало деятелей, добравшихся до высоких ступеней иерархической лестницы в различных политических партиях и движениях, но стремившихся максимально использовать выгоду своего положения для удовлетворения корыстных амбиций. Когда после Февральской революции стали доступны архивы охранных отделений, которые благоразумно не были сожжены, открылась потрясающая картина: по неполным подсчетам, в различных политических партиях и организациях действовало около 6,5 тыс. провокаторов и других тайных сотрудников политического сыска Российской империи [1]. И отнюдь не обязательно это были «кроты», незаметные партийные функционеры, которые тихо выполняли свою провокационную работу. Нередко это были партийные лидеры, деятели «первого эшелона» в партиях и организациях.

Безусловно, к таким приверженцам «двойной морали», вызывающим сегодня восхищение у многих ангажированных обозревателей, принадлежал Евно Азеф. Он родился в 1869 г. в м. Лысково Гродненской губернии в семье портного. Вскоре семья Азефа переехала в Ростов-на-Дону. Тут будущий «гений» провокаторства закончил гимназию, затем поступил в реальное училище. Еще будучи учащимся Азеф проявил интерес к революционному кружку народовольческого направления. Полиция напала на след молодых народовольческих эпигонов, начались аресты, и Азеф, почувствовав за собой слежку, понял, что в России ему делать нечего. Находясь на учебе в Германии, он, по своей инициативе, с 1893 г. стал сотрудничать с Департаментом полиции, поставляя своим «патронам» обширную информацию о русской эмиграции за границей. Полное отсутствие у него моральных

критериев, элементарной порядочности сыграло решающую роль в предложении своих услуг полиции. Вот как Ростовское жандармское управление охарактеризовало провокатора: «Евно Азеф человек неглупый, весьма пронырливый и имеющий обширные связи между проживающей за границей еврейской революционной молодежью, а потому в качестве агента может приносить непосредственную пользу, и надо ожидать, что по своему корыстолюбию и современной нужде он будет дорожить этой обязанностью» [2].

Используя эти связи, Азеф вскоре стал заметной фигурой среди революционеров-эмигрантов. Осенью 1899 г. один из основателей Заграничного союза социалистов-революционеров, будущий лидер Социалистической еврейской рабочей партии, Х. Житловский рекомендовал Е. Азефа организаторам Северного союза социалистов-революционеров [3]. Довольно быстро рекомендованный занял видное положение в этой организации, ставшей основой будущей партии эсеров.

Свой выход на политическую арену партия социалистов-революционеров ознаменовала серией террористических актов. 14 февраля 1901 г. исключенный из университета студент П. Карпович смертельно ранил министра просвещения Н. Боголепова. При аресте Карпович назвал себя социалистом-революционером. Осенью 1901 г. Г. Гершуни, бывший руководитель Рабочей партии политического освобождения, созданной в Минске еще в 1899 г. и разгромленной вскоре полицией, приступил к формированию Боевой организации (БО) эсеров. Первой террористической акцией БО, вызвавшей большой резонанс в России, стало убийство министра внутренних дел Д. Сипягина в апреле 1902 г.

Хотя Азеф стоял у истоков партии, он не вошел в первоначальный состав ЦК, не присоединился к БО, несмотря на то, что много разглагольствовал о необходимости террора. Он стал осторожно сообщать в Департамент полиции сведения о причастности Гершуни к убийству Сипягина, но стремился всячески смягчить степень участия руководителя БО в организации этого теракта. Представляя доносы, Азеф очень любил выступать в роли спасителя своих непосредственных начальников и вышестоящих лиц – директоров Департамента полиции, министров внутренних дел. Это укрепляло ценность Азефа в глазах полицейского начальства.

Когда Азеф сообщил, что у него есть возможность стать членом БО, то министр внутренних дел В. Плеве, вопреки своим же инструкциям и правилам работы секретных сотрудников, разрешающим им только находиться рядом с террористическими организациями, но ни в коем случае в них не вступать, потребовал, чтобы Азеф вошел в БО [4]. Получив официальное разрешение Департамента полиции, Азеф становится заместителем Гершуни по БО, а после ареста последнего в 1903 г. фактически ее руководителем. Азеф полностью реорганизовал БО, обновил состав, сделал ее компактной, централизованной, строго дисциплинированной организацией. Один из деятелей партии эсеров позже дал следующую характеристику Боевой организации: «Это была замкнутая в себе корпорация, из которой был тщательно прогоняем дух партии. Способствовала этому автономия организации, вытекающая из существа конспиративных задач, изолированного подпольного существования, но немалую долю влил сюда Азеф, лично и через влиятельных членов организации» [5].

Особую славу Азефу среди эсеров принес теракт против В. Плеве. Иронией судьбы человек, давший провокатору санкцию войти в террористическую организацию, сам стал ее жертвой. Азеф тщательно готовил покушение против Плеве и перестраховался во всем. Если оно удастся, революционеры будут его превозносить, отмечая личные заслуги. А перед полицией у провокатора были готовые оправдания – он указывал точное место покушения, но против кого оно направлено, узнать не смог, боясь вызвать подозрения. Не исключено, что решение об убийстве Плеве было принято после того, как последний отказался предоставить «национальную автономию» российским евреям при переговорах с лидером сионистов Т. Герцлем. Теперь возмездие последовало незамедлительно. Такая же участь постигла и великого князя Сергея Александровича, эсеровский приговор которому

за жесткие меры к еврейским торговцам в Москве был приведен в исполнение террористом И. Каляевым в феврале 1905 г.

Бросается в глаза одна любопытная деталь: эсеровский террор был направлен против тех царских сановников, кто «осмеливался» ставить вопрос о «еврейской эксплуатации» в России. Террор революционных эсеровских романтиков не прочь были использовать в своих целях разные деятели, в том числе и в «великосветских разборках» между собой [6]. В то же время террористические акты давали непосредственный повод для расправы с революционно настроенными массами, служили оправданием разгула полицейского произвола. Поэтому провокаторство и предательство в партии эсеров под воздействием охраны приняли невиданные в политической истории размеры. По самым приближенным подсчетам, за 1902–1911 гг. среди эсеров было разоблачено более 70 провокаторов. Но вряд ли кто из них мог сравниться с Азефом.

Однако рано или поздно любые гнуснейшие приемы становятся достоянием гласности. Слухи о провокаторстве Азефа циркулировали в партии давно, но им не хотели верить. В первый раз на него указал в 1902 г. один рабочий, имевший до этого тайную связь с полицией. Однако разбирательство закончилось полной реабилитацией «вождя». Новые данные о связях Азефа с охранкой стали поступать в 1905, 1906, 1907 гг. Наконец, чиновник по особым поручениям при Варшавском охранном отделении М. Бакай, пользовавшийся доверием историка, редактора заграничного издания «Былое» В. Бурцева, сообщил последнему в 1907 г. факты, на основании которых можно было с уверенностью заключить: Азеф – провокатор [7]. Об этом В. Бурцев после уточнений и проверок доложил в мае 1908 г. ЦК партии эсеров. Однако ЦК вначале не только не стал проводить расследование, но и возмутился поведением Бурцева, вызвав его на «суд чести» за распространение ложных и позорных сведений о члене ЦК. Незадолго до «суда», в сентябре 1908 г., В. Бурцев добился встречи с А. Лопухиным, бывшим директором Департамента полиции. Отставной царский чиновник подтвердил, что Азеф действительно является агентом полиции [8].

«Суд чести» проходил в Париже с октября 1908 до середины января 1909 г. «Судьями» выступали В. Фигнер, П. Кропоткин и Г. Лопатин. В качестве представителей от партии присутствовали Б. Савинков, В. Чернов и М. Натансон. Вначале доводы Бурцева о провокаторстве Азефа воспринимались в штыки. В. Чернов, общепризнанный теоретик партии, объяснял все слухи об Азефе полицейской интригой. Он считал, что Бакай и Лопухин едва ли заслуживают больше доверия, чем сам Азеф, много лет проработавший в партии. Чернов требовал обвинить Бурцева в легкомысленном обращении с чужим именем, а все его сообщения признать безосновательными. Савинков и Натансон не столько поддерживали обвинение против Бурцева, сколько старались обрисовать Азефа с лучшей стороны. В конце концов было принято решение вызвать для дачи показаний самого Лопухина, а в Петербург для проверки был отправлен член ЦК А. Аргунов. Б. Савинков, сохранявший с Азефом дружеские связи, посоветовал своему приятелю самому присутствовать на «суде» и лично опровергнуть доводы Бурцева. Но Азеф трусил и отказался, однако зря времени не терял.

Вскоре Аргунов привез народническим «судьям» сногшибательную весть: при личном свидании Лопухин сообщил, что 11 ноября 1908 г. на квартиру к нему явился сам Е. Азеф, а затем 21 ноября – начальник охранного отделения А. Герасимов. И провокатор, и его шеф требовали взять обратно сказанное Лопухиным Бурцеву. В противном случае угрожали преследованиями. Лопухин отказался. Но чтобы оградить себя от подобных угроз на будущее, написал об этих посещениях самому П. Столыпину, товарищу (т.е. заместителю) министра внутренних дел А. Макарову и директору Департамента полиции М. Трусевичу. В декабре 1908 г. Савинков, Чернов и Аргунов встретились с Лопухиным в Лондоне. Он рассказал им о встречах с Раскиным-Виноградовым (под этими псевдонимами действовал в охранке Азеф), сообщив, какие дела и какие лица были выданы провокатором [9].

В воздухе запахло грандиозным скандалом. Выяснилось, что Азеф для сокрытия поездки в Петербург к Лопухину говорил всем о своем якобы пребывании в это время в Мюнхене и Берлине, в подтверждение алиби показывал счета отелей. Но эта ложь Азефа была доказана сразу. Счета за проживание в отелях оказались фальшивыми. Свидание с Лопухиным и поведение Азефа убедили Чернова, Натансона и Савинкова в том, что их «верный соратник» действительно провокатор.

Эту детективную историю излагали многие авторы, но мало кто пытался убедительно ответить на очевидный вопрос: почему А. Лопухин решил выдать Азефа? Версии выдвигались разные. Вероятно, на Лопухина повлияло несколько факторов: сказалось раздражение обманутого человека, которого обвел вокруг пальца столь им презируемый Азеф; угрозы совести за убитого Плеве и страх перед новыми терактами. Надо отдать должное, правда с отдельными оговорками, «следователю» Бурцеву, оглушившему Лопухина страшными для него фактами бессмысленного террора. Позднее на процессе, устроенном царскими властями над Лопухиным, бывший шеф Департамента полиции объяснял свой поступок тем, что считал долгом человека и политического деятеля «разоблачить эту партию и изобличением Азефа нанести ей смертельный удар, после чего она распадется и прекратит свое существование» [10].

В изданной в 1991 г. книге А. Герасимова «На лезвии с террористами» в примечаниях, составленных Ю. Фельштинским, дается совершенно другая версия этих событий: «Двоюродный брат его (А.А. Лопухина) Алексей Сергеевич Лопухин (умер в 1966 г.) оставил записки, где ссылается на рассказ А.А. Лопухина после революции в Москве о том, как и почему он выдал Азефа. Находясь в Париже, получив известие из Лондона, что его дочь похищена (при выходе из театра оттеснена в толпе от гувернантки и исчезла), А.А. Лопухин поспешил в Лондон, в его поездное купе вошел Бурцев и предложил в обмен на освобождение дочери назвать имя полицейского агента в верхах эсеровской партии. Лопухин назвал Азефа, и на следующий день освобожденная дочь его вернулась к нему в лондонскую гостиницу. Видимо, изложить эту причину в общественной обстановке предреволюционной России было для Лопухина невозможно» [11].

На особом совещании ЦК эсеровской партии было решено убить Азефа, но предварительно учинить ему допрос. В качестве следователей на этот раз выступали В. Чернов, Б. Савинков и представитель боевиков «Николай». Азеф все обвинения отрицал, негодовал, взывал к товарищеским чувствам. Чернов предложил ему откровенно рассказать о связях с полицией. Эсеровские «следователи» дали срок на размышление до 12 часов следующего дня. Но не дождались. В ночь с 23 на 24 декабря 1908 г. Азеф сбежал [12]. Теперь эсеровскому ЦК ничего не оставалось, как публично признать провокаторство Азефа, о чем было сделано специальное заявление, и принести извинения Бурцеву [13].

В мае 1909 г. была создана новая судебно-следственная комиссия ЦК по делу Азефа. В выводах комиссии говорилось: «Основным условием партийной жизни, давшим возможность Азефу вести провокаторскую деятельность было то преувеличение, какое при основании партии с.р. придавалось руководящими сферами террору. Это преувеличенное значение выразилось, с одной стороны, в создании вполне обособленной, надпартийной боевой организации, требования которой удовлетворялись, при недостатке средств, — в ущерб другим отраслям партийной деятельности; с другой стороны, — в преувеличенной оценке тех членов партии, которые умели успешно вести боевое дело» [14]. Такое заключение не удовлетворило многих членов партии, считавших, что азефовщина порождена безграничным централизмом, бюрократически-кастовым духом эсеровской партийной системы. Многие с горечью признавали: «Революционное генеральство породило революционное лакейство и революционный карьеризм» [15].

Однако не все эсеровские деятели придерживались такой точки зрения. Более того, «засветились» покровители Азефа не только внутри партии и охраны. Сионистский журнал «Рассвет» также попытался обелить Азефа, распространяя «мнение» некоторых его

«парижских товарищей» о том, что служба в полиции была для него до самого последнего времени якобы «средством для подготовки весьма грандиозного революционного предприятия, которому помешали последние разоблачения» [16].

Эсеровское руководство не собиралось сводить счеты с Азефом, как это было сделано с другим провокатором – кандидатом в члены ЦК Татаровым. Последний без особых разбирательств, не без помощи того же Азефа, не терпевшего конкуренции на провокаторской ниве, в свое время сразу же был удостоен эсеровской пули. Азефа не пытались даже разыскивать после бегства. Остаток своей бурной жизни он провел в Германии. Когда началась война, немцы его арестовали как русского подданного, но, продержав в тюрьме 2,5 года, решили выпустить. Некоторое время он проработал в одном из отделов Министерства иностранных дел Германии [17]. Какие обязанности он там выполнял, установить не удалось. Можно только исходить из положения о том, что деяния провокаторов всегда были в цене. Умер Азеф от болезни почек 24 апреля 1918 г. в немецком городе Вильмерсдорфе.

Скандал вокруг Азефа вызвал громкий общественный резонанс в России. В комментариях недостатка не было. Возник весьма щекотливый вопрос: как могло случиться, что многие террористические акты против видных царских сановников организовывались человеком, состоявшим на службе у охранки? Не означало ли это, что террор против «верных слуг» самодержавия благословлялся с ведома могущественного учреждения – Департамента полиции? Депутаты от социал-демократической фракции III Государственной думы в феврале 1909 г. сделали в правительство специальный запрос, в котором кроме поднятых вопросов указывалось на попытки властей всячески противодействовать разоблачению провокационной деятельности полиции. Проект резолюции социал-демократов требовал ликвидации системы политических провокаций. К такому же мнению склонялись и кадеты, хотя их выводы были более осторожными.

Если левые и кадеты использовали дело об Азефе для нападок на правительство, то правые – Столыпин и октябристы – на революцию. История с Азефом ясно показывала, что и правительство, и революционеры были одинаково неразборчивы в выборе средств, если использовали такую фигуру, как Азеф. С этой точки зрения обыватель не видел особой разницы между обоими противоборствующими лагерями. Но П. Столыпин вынужден был оправдывать деяния правительства и полиции относительно Азефа: «Я изучал подробно это дело, так как меня интересовало, нет ли в нем действительно улик в соучастии, в попустительстве или в небрежении органов правительства. Я этих данных, указаний и улик не нашел» [18]. По горькой иронии судьбы Столыпин сам стал жертвой системы провокаций, которую так красиво защищал в пламенных речах в Государственной думе. Пуля «сотрудника» Богрова, которому буквально вложили в руки револьвер руководители охранного отделения, убившая Столыпина, была лучшим доказательством того, что попытки руководить революцией через охранное отделение – это безумие.

Разоблачение Азефа не только привело в состояние шока партию эсеров – одну из самых значительных революционных организаций России, но и покрыло позором охранку, Департамент полиции, правительство – всех, кто в той или иной степени был связан с этим грязным делом. Скандал вокруг Азефа наложил неизгладимый отпечаток на всю общественную, внутривластную жизнь страны. Само имя Азефа, наряду с именами Зубатова, Гапона, Распутина, наряду с Ходынкой и Цусимой, стало символом политического разврата, развала власти, ярчайшим проявлением того жесточайшего кризиса, который в начале XX в. охватил чуть ли не все стороны русской жизни.

Конечно, социалисты-революционеры не были единственной мишенью для провокаторских манипуляций. Известна печальная роль Г. Гапона, с которым стремились «заигрывать» социал-демократические деятели. В итоге он был ликвидирован эсером Рутенбергом, которого «революционный» священник пытался склонить к службе в охранке. Но и у социал-демократов был «свой» Азеф, по масштабам провокаций не уступавший эсеровскому аналогу. Член ЦК РСДРП(б) Роман Малиновский, пользовавшийся особым покровитель-

ством В. Ленина, с 1910 г. работавший на охранку, был настолько засекречен ее руководителями, что строчившие на него доносы филеры даже не представляли его истинного положения ни в полиции, ни в РСДРП(б).

Плоды провокаторской деятельности Малиновского для большевистской партии были опустошительными: с 5 июля 1910 г. по 19 сентября 1913 г. Малиновский направил в Московское отделение 88 доносов. По ним были арестованы Голощеков, Серебряков, Залуцкий, Сталин, Онуфриев, Спандарян, Анна и Мария Ульяновы, Воронский, Стасова, Шварцман и другие. Малиновский получал от Департамента полиции огромные по тем временам деньги – 700 рублей в месяц, тогда как жалованье губернатора составляло 500 рублей [19]. За провокаторскую деятельность Малиновский был расстрелян большевиками в 1918 г.

Азефовщина оказалась удивительно живучим явлением. История не раз свидетельствовала о том, что и власть, и оппозиция в борьбе между собой не прочь использовать провокаторство и провокационные приемы. Причем чем радикальней настроена оппозиция, тем сильнее проявляется жгучее стремление власти насадить в оппозиционные ряды откровенных провокаторов с целью дискредитации своих конкурентов. А некоторые политики, проникающие во властные органы, не прочь действовать исподтишка, компрометируя саму власть, вместе с тем демонстрируя особое служебное рвение. Главными претендентами на подобные гнусные роли, как правило, выступают люди беспринципные, живущие двойной, а порою и тройной моралью. Ими правят корысть, эгоистичный прагматизм. Разумеется, от подобных «особей» не застрахована ни одна политическая партия, какие бы благие цели она ни ставила, никакая власть. Но если в обществе созданы действительно демократические условия, действуют ясные и понятные правила политической конкуренции, принципы гласности и открытости, то роль провокаторов может быть сведена к минимуму. Однако о таких временах можно только помечтать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земляной С. Двойные агенты Бога и дьявола // Фигуры и лица. Приложение к «Независимой газете». 2001. № 2. С. 9.
2. Николаевский Б. Конец Азефа. Л., 1926. С. 74
3. Лучинская А.В. Великий провокатор Евно Азеф. М., 1923. С. 17–18.
4. Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. С. 39.
5. Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б. м., 1911. С. 38.
6. Козляков В.Е. Из истории терроризма в Беларуси и России (80-е годы XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. политологии, философии, истории, филологии. 2003. Вып. XI. С. 22–23.
7. Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М., 1989. С. 63–90.
8. Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991. С. 266.
9. Лучинская А.В. Указ. соч. С. 104.
10. Дело А. Лопухина. Стенографический отчет. СПб., 1910. С. 22.
11. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 197.
12. Савинков Б. Воспоминания // Былос. 1918. № 12. С. 89–93.
13. Лучинская А.В. Указ. соч. С. 105–106.
14. Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. С. 91.
15. Липин А. Суд над азефщиною. Париж, 1911. С. 94–95.
16. Рассвет. 1909. 22 февраля. С. 14.
17. Николаевский Б. История одного предателя. С. 289–294.
18. Прайсман Л.Г. Указ. соч. С. 388–389.
19. Земляной С. Указ. соч. С. 14.